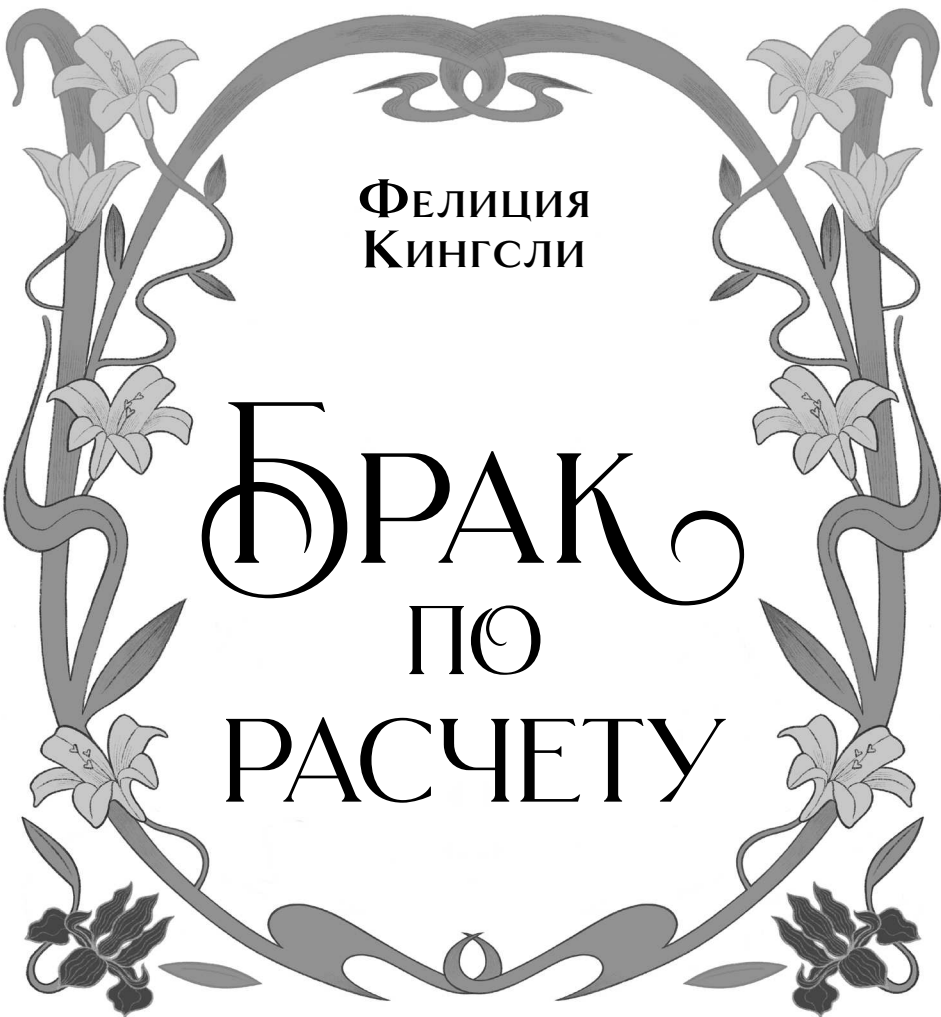

ФЕЛИЦИЯ
КИНГСЛИ

БРАК
ПО
РАСЧЕТУ

INSPIRIA
Москва

УДК 821.131.1-31
ББК 84(4Ита)-44
К41

Felicia Kingsley
MATRIMONIO DI CONVENIENZA

Copyright © Newton Compton Editori s.r.l., all rights reserved
This edition was published by arrangement with MalaTesta Literary Agency,
Milan, and ELKOST International Literary
Agency, Barcelona.

Перевод с итальянского Анастасии Осминой
Иллюстрации на развороте и во внутреннем оформлении
Таусии Шарабьевой

Кингсли, Фелиция.

К41 Брак по расчету / Фелиция Кингсли ; [перевод
с итальянского А. Осминой]. — Москва : Эксмо,
2025. — 512 с.

ISBN 978-5-04-210085-7

Джемме не везет ни в любви, ни в карьере, пока покойная бабушка не оставляет ей в наследство огромное состояние. Но чтобы его получить, Джемма должна выйти замуж за человека благородного происхождения.

Эшфорд, 12-й герцог Берлингемский, на самом деле разорен и рискует потерять все, если не выплатит долги.

Эшфорд — герцог, а у Джеммы много денег. Это будет не что иное, как брак по расчету. Но Джемма не представляет, что ее ждет, когда она прибудет в роскошную резиденцию Берлингемов: этикет, бесконечные приемы, невыносимая свекровь и надменные аристократы. Вот тогда и начнется открытая война...

УДК 821.131.1-31
ББК 84(4Ита)-44

ISBN 978-5-04-210085-7

© Осмина А., перевод на русский язык, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2025

*Тем, кто всегда верил в сказку.
Тем, кто в нее не верил никогда*

Я уже будто несколько часов жду на диване в приемной, в тишине. На столике гора газет, все о финансах, и старые выпуски юридического еженедельника *Law Society*¹, никому не нужные — мне, по крайней мере, точно.

Мне назначили встречу на час дня, с трудом втиснув в расписание Дерека Уортона, хотя я и объяснила, что должна быть в театре к дневному спектаклю, но другого окошка не было.

Честно говоря, я вообще не знаю ни что тут делаю, ни зачем он меня позвал, но секретарша — «ассистентка», как она кисло уточнила, — объяснять не захотела.

Надеюсь, маму и папу не задержала полиция из-за «ароматических трав», которые они заказали из Индии.

Наконец с глухим щелчком дверной ручки массивные створки распахиваются и выходит Дерек.

— Джемма, прошу, проходи, — тепло приглашает он меня.

¹ *The Law Society Gazette* (англ.) — британский юридический еженедельник, издается Юридическим сообществом Англии и Уэльса. — *Здесь и далее примеч. пер.*

Дерек всегда выглядел старше своего возраста, а с тех пор как он взял юридическую практику отца в свои руки, эта черта стала еще более заметна: вежливый, любезный, улыбающийся, но выглядит лет на сорок. Классического кроя костюм и строгие рубашки в полоску ситуацию не улучшают.

— Я бы хотела поболтать, узнать, как у тебя дела и все такое, но чуть больше чем через час актеры выходят на сцену, а мне еще грим наносить. Если я и сегодня опоздаю, Адриана меня уволит, поэтому быстрее начнем, быстрее закончим, — выпаливаю я.

Кроме того, что у меня мало времени, я правда обеспокоена, поэтому сразу пытаюсь перейти к сути. Я хочу знать, почему я здесь, ведь, слава богу, за двадцать пять лет адвокаты мне ни разу не потребовались.

— Конечно, уверен, тебе любопытно. Если коротко, то я тебя позвал по делу, касающемуся твоей бабушки Катрионы.

— Дерек, не знаю, в курсе ты или нет, но она умерла месяц назад.

— Я прекрасно об этом осведомлен. Поэтому и позвал тебя. В свое время она назначила моего отца исполнителем завещания, а сейчас делом руковожу я, и все его клиенты перешли ко мне. — Дерек замолкает, проверить, внимательно ли я его слушаю. — Твоя бабушка оставила завещание.

— Мне об этом ничего не известно. — Я годами не виделась с бабушкой, а в наши редкие встречи она определенно не затрагивала такие темы.

— Завещание обычно не подлежит оглашению, и часто бенефициары о нем ничего не знают.

БРАК ПО РАСЧЕТУ

— Бенефициары?

Дерек, листая бумаги в глянцевої папке, позволяет себе намек на улыбку:

— Для ясности: твоя бабушка лишила наследства твою мать из-за ее жизненного выбора.

— Тебя послушать, так моя мать преступница. А она всего лишь захотела выйти замуж по любви, а не за какого-то незнакомца, выбранного родителями.

— С тех пор твоя бабушка Катриона считала ее недостойной права наследования. И не оставила бы свое состояние — прости, процитирую: «...этой заблудшей душе и ее мужу как-его-там». — Потом он показывает мне листок: — Видишь? Так и написано ее рукой.

Смотрю на летящий почерк.

— Никогда не сомневалась, что бабушка была очаровательной женщиной, — иронично замечаю я.

— Однако Катриона распорядилась, чтобы ее наследство перешло к тебе.

У меня от изумления отвисает челюсть. Из рта выпадает жвачка, но я быстро ее подхватываю и снова начинаю жевать.

— МНЕ?

— Да, она назначила тебя наследницей своего движимого и недвижимого имущества.

— Имущества? Охренеть! — Я живу в однокомнатной квартире-студии, куда, черт побери, мне девать ее вещи?

— Да, наследство весьма значительное. Когда у тебя будет больше времени, обязательно покажу тебе опись.

При одной мысли я начинаю ерзать на стуле, будто меня к нему привязали.

— Я был обязан вызвать тебя и спросить, намерена ли ты принять или отказаться от наследства.

— Ты меня за чокнутую держишь? Конечно, я согласна! Где подписать?

Дерек резко серьезнеет.

— Только есть одно условие.

— Условие?

— Да, условие, *conditio sine qua non*¹, — продолжает он.

— Не начинай говорить по-адвокатски...

— Твоя бабушка поставила условие, что наследство ты получишь, если выйдешь замуж. А до свадьбы вступить в права владения не сможешь.

— Вот так сразу? Прямо сейчас?

— Нет, Джемма. Времени сколько угодно.

— Ну хоть так! Мне еще надо убедить Алехандро. Мы встречаемся почти месяц, но кто знает. Любовь творит чудеса! — Мельком бросаю взгляд на часы на каминной полке за спиной Дерека. — А сейчас мне пора бежать. Арт-директор наверняка будет караулить у самых гримеров — возможность наорать на меня она не упустит.

На этих словах я встаю и быстро натягиваю лиловую куртку из экокожи.

— Прости, Джемма, у этого Алехандро есть титул?

— В каком смысле? — Не нравится мне этот испытующий тон.

— Твоя бабушка оставила тебе наследство только с условием, что ты выйдешь замуж за мужчину благородного происхождения, более того — с титулом.

— Что?! — пораженно восклицаю я.

¹ Условие, без которого нет результата (лат.). — Примеч. ред.

— А то, что ты можешь выбрать мужа только среди пэров Соединенного Королевства... — Тут Дерек опускает взгляд и продолжает читать текст завещания: — А также Бельгии и Дании. Но не Франции, к тому же это республика.

Дерек, должно быть, сошел с ума. По крайней мере, мне так кажется. Но он выглядит серьезным.

— Выходит, я никогда не получу наследство! И тогда зачем ты меня позвал? Это просто абсурд!

— Мой долг — поставить тебя в известность. И твой отказ — всего лишь вероятность ответа в пятьдесят процентов. Кто знает, ты могла и согласиться.

— Но это смешно! С тем же успехом она могла лишиться наследства и меня. Или даже вообще не упоминать. Моя мама не захотела выходить замуж по расчету, и я не собираюсь!

— Бабушка желала тебе другого будущего.

— К дьяволу бабушку и ее заикленность на аристократии!

Провожая меня до двери, Дерек пытается меня успокоить:

— Завещание остается в силе, пока ты не откажешься официально. Послушай моего совета: обдумай все хорошенько, на свежую голову, завтра или послезавтра...

Рассеянно прощаюсь, думая о бабушке: я просто в ярости, такого розыгрыша точно от нее не ожидала!

Когда я добираюсь до театра, актеры уже заметно нервничают из-за моего опоздания на добрый час. Да, на час, потому что, выйдя из кабинета Дерека, я застряла в метро: поезд остановился в тоннеле между станциями «Эмбанкмент» и «Чаринг-Кросс». Лондон в часы пик никого не щадит.

Пытаюсь проскользнуть в гримерные, но Адриана уже ждет в коридоре, готовясь устроить мне взбучку. Она наш арт-директор, приехала из Милана, и все зовут ее «фальшивой итальянкой»: никакого чувства юмора, никогда не ест и постоянно работает.

— Спасибо, что почтила нас своим присутствием. Ближайшие четверть часа я бы хотела заставить тебя почувствовать всю свою неполноценность и прискорбную некомпетентность, но спектакль вот-вот начнется, а тебе всю труппу гримировать. По-ше-ве-ли-вай-ся. И начни с Анжелики, пока с ней не случилась истерика и она не потеряла голос.

— Извини, Адриана. — Но она уже повернулась ко мне спиной, направляясь к Оливеру, режиссеру.

Актеры в истерике — это да... Я загримировала всех (двадцать три человека!) в рекордное время, за десять секунд до того, как поднялся занавес.

Беру свой портативный набор и перемещаюсь за кулисы, чтобы в случае чего подправить что-то прямо на месте. Вот уже два года как я здесь работаю, и, так как спектакль идет восемь раз в неделю, я этот мюзикл выучила уже наизусть и точно знаю, когда и откуда выходят на сцену актеры. Первый год был просто восторг: мы веселились, прикрывали друг друга и были одной большой командой.

Оливер тогда еще был женат на Медее — примадонне и сопрано мюзикла; Майкл, бешеный шотландец с опасной склонностью к алкоголю, работал арт-директором, а Сара, моя почти что лучшая подруга, — костюмером.

Потом Майкл впал в алкогольную кому, и Адриана заняла его место; Оливер с Медеей развелись, Медея

ушла из спектакля, а вместо нее появилась неуравновешенная и чересчур эмоциональная Анжелика. Оливер впал в депрессию, и в довершение всего Сара решила попытать счастья в Бродвее и переехала в Нью-Йорк.

А я осталась здесь чинить костюмы в свободное время и справляться с истеричной примадонной, новым художественным директором-садистом, а также режиссером, подверженным паническим атакам.

Считая, что уже набралась достаточно опыта, хоть и во вторичном производстве, я начала рассылать резюме художественным руководителям основных мюзиклов Вест-Энда: «Мамма Мия!», «Отверженные», «Призрак оперы»...

Ответа я жду до сих пор, но они заверили, что обязательно со мной свяжутся. Не мог же мой ответ на вопрос: «Что вы думаете о стиле Эндрю Ллойда Уэббера?» повлиять на их решение? Я ведь просто уточнила, кто это такой.

С Сарой мы до сих пор на связи, и она обещала дать знать, если в Нью-Йорке подвернется что-то подходящее. Я бы все отдала в обмен на возможность поехать работать в Нью-Йорк. В Лондоне, с этим его туманом, степенностью и монархией, мне тесно. Конечно, Саре проще, она из богатой семьи, и жить на широкую ногу в Америке для них не проблема. А мне и здесь приходится сводить концы с концами.

Я всегда жила с родителями в небольшом домике в Луишеме, одном из юго-восточных боро Лондона¹,

¹ Б о р о Л о н д о н а (англ. London borough) — городской район столицы Великобритании. 32 боро образуют церемониальное графство и регион Большой Лондон. При этом лондонский Сити — отдельное церемониальное графство с особым статусом.

который, возможно, обладает не самой лучшей репутацией. Если правду говорят, что все лондонцы терпеть не могут южный берег Темзы, что ж, я живу прямо на крайнем юге. Получив свою первую работу, я все подсчитала, и вышло, что снять жилье поближе к центру все равно никак не получается. Тогда мама с папой договорились с владельцем дома, чтобы он разрешил превратить цокольный этаж в однокомнатную квартиру. Получилось не так и плохо, у меня даже окно есть! Ну ладно, периодически у этого окна засыпает какой-нибудь бездомный и света не так много, но оно же есть.

А Сара жила в потрясающей квартире-студии, настоящей, новенькой, в Фулхэме¹, и я часто оставалась на ночь у нее — во всяком случае, пока она не начала встречаться с Дерекком. Да, тем самым Дерекком, адвокатом. Они были соседями, он жил на этаж выше и в квартире побольше, поэтому, когда они начали встречаться, Сара перебралась к нему. Тогда я с ним и познакомилась, хотя в то время он был просто помощником в адвокатском бюро отца. Близкими друзьями мы не стали, но, когда Сара уехала в Нью-Йорк, он часто заглядывал в театр, отчасти по привычке, и мы шли выпить по пиву. Даже вместе по воскресеньям ходили на матчи «Арсенала», но потом его приняли в Юридическое общество, и он перестал появляться на трибунах, чтобы его не арестовали во время какой-нибудь потасовки. И только сегодня я узнала, что он еще и адвокат моей бабушки. Мир и впрямь тесен!

¹ Фулхэм — район Лондона, расположенный вдоль северного берега Темзы между Челси и Хаммерсмитом.

Бабушка. Мне постоянно попадаетея множество любящих бабулечек, которые выгуливают своих внуков, забирают их из школы, покупают им мешки подарков и всякие вредные вкусности. А бабушка Катриона всегда держала меня на расстоянии. Не «бабушка», а «Катриона». Только «Катриона».

Виделись мы редко, а разговаривали и того реже. Мама не заставляла меня с ней встречаться, только если это было необходимо, но бабушка и сама не горела желанием проводить со мной время. Возможно, еще реже она говорила только с одним человеком — моим отцом.

От Катрионы мне приходили конверты — каждый Новый год и на день рождения. Обычно там лежала записка с лаконичным «поздравляю» и чек на пятьдесят фунтов. Она оплатила мне брекеты, и следующие три года я ее ненавидела.

Я была так счастлива, что родители не могли позволить себе сводить меня к дантисту, и кривые зубы меня ничуть не беспокоили, если я и дальше могла жевать жвачку и мармеладных мишек.

И это не все: когда мне исполнилось шесть, Катриона предложила оплатить пансион в одной из, по ее словам, «приличных школ», и там я и училась четыре месяца. А вскоре после Рождества мои родители обнаружили, что школьный совет состоит из консерваторов — сторонников политики Маргарет Тэтчер, так что они забрали меня и отправили в государственную школу, к большому неодобрению бабушки.

Потом я уже виделась с ней, может, раз в год, для «осмотра»: насколько я выросла, здорова ли, хорошо ли учусь в школе. Почти всегда я ее разочаровывала, а стоило мне открыть рот, как она закатывала глаза.